

Андрей Николаев

Кайминский округ

Бог Великого Теремна

Батуринко на Чуломе

О СЕБЕ И О СИБУЛОНЕ

Я родился 16 мая 1926 года в селе Нечунаево Шипуновского района Алтайского края. Первая ссылка раскулаченной семьи Нечунаевых произошла весной 1930 года, завезли на речку Чичкаюл, впадающую в Чулым. После "удачного" побега семья попала под вторую ссылку весной 1931 ГОДА, но уже в поселок Первопахенский /он же Кайлушка и Большая Юкса/ Асиновского района. Здесь в 1944 году я окончил семилетку и сразу же поступил в Томское Педучилище на заочное отделение. В июле 1944 года был назначен заведующим Тунгусборской начальной школы, находившейся в тридцати километрах от Кайлушки в сторону Батурино на Чульме. И в Кайлушке, и в Тунгусском Бору, и в Батурино жили в то время только раскулаченные спецпереселенцы работавшие на лесоповале. До их появления пространство это занимал обширный Кайлинский Сибулон. В этом "пространстве" я жил и работал учителем до 1964 года. К этому времени я заочно окончил Томский Педагогический институт. Писать стихи я начал в августе 1938 года. С 1956 года районная газета "Причудымская правда" стала публиковать мои рассказы и очерки, а с 1990 года и стихотворные произведения. Поэтому, кроме прозы, я написал о Сибулоне и большое стихотворение "Батурино на Чульме" с надеждой прочитает его батуринец, "где некогда бывал и я." "Кайлинский сибулон" и первые главы статьи "Год Великого Перелома" были опубликованы в районной газете "Наше Причудымье". Томский писатель и краевед Барсагаев Павел Алексеевич советовал мне отправить эти материалы в областное общество "Мемориал" для издания книги без гонорара автору, это меня устраивает: все - таки я пенсионер. В августе 1997 года Томские телевизионщики по "Кайлинскому сибулону" сняли документальный фильм, при быв в Кайлушку вместе со мной. Фильм демонстрировался по четвертому каналу, и некоторые мои земляки видели его в Томске.

В мае 2001 года я буду отмечать свое семидесятипяtilетие. Лучшим подарком к этому дню была бы книжечка о сибулоне, изданная областным обществом "Мемориал".

Нечунаев Андрей Михайлович

2 октября 2000 года.

ВОСПОМИНАНИЯ О БЫЛОМ

КАЙЛИНСКИЙ   СИБУЛОН

Глава 1. Что такое СИБУЛОН ?

В конце восьмидесятых годов в центральной и местной печати публиковалось много статей о репрессиях великой сталинской эпохи. В областной газете "Красное знамя" утверждалось, что на территории Асиновского района не было ни одного лагеря для уничтожения "врагов народа". Автор ссылаясь на полное отсутствие архивных документов. Видимо автору не было известно, что энка - вэда копии своих приказов и распоряжений по архивам не рассылало, а старательно уничтожало их, как документальную улику массовых убийств. Автору статьи, видимо, было неизвестно и то, что обреченных на смерть людей, гнали и везли в глухую тайгу приобья не только через Томск, но и сплавляли по Оби и ее притокам мимо Томска, забыв бросить в Обь бутылки со списками карателей и их жертв.

СИБУЛОН - сибирское управление лагерей особого назначения - был одной из секретнейших организаций НКВД, главной всесоюзной мясорубкой, работающей без выходных и на бешеных скоростях беспешно перемалывающей десятки миллионов "подлых врагов советской власти". Мастера заплочных дел знали это и жили в атмосфере сверхжесткой секретности.

Территория Кайлинского сибуллона занимала сотни квадратных километров: от речки Кайлы, впадающей в Большую Юксу, до Тунгусского Бора, а дальше от Бора до Батуринских болот и обеих берегов Чульма. От Чульма же на север по всей Оби и ее многочисленным притокам сочилась человеческой кровью и белели человеческими костями еще сотни СИБУЛОНов.

Глава 2. "КУЛАЦКОЕ богатство"

По архивной справке обследования хозяйства за 1929 - 1930 годы семья деда моего Николая Дмитриевича Нечунаева /19 декабря 1877 г. - 24 февраля 1947 г./ состояла из десяти человек: сын - Михаил Николаевич /20 ноября 1899 г. - 20 февраля 1971 г./, сноха - Мария Филипповна /2 августа 1902 г. - 19 ноября 1990 г./, сын - Николай Николаевич /1911 - 1931 гг./, сын - Иван Николаевич /1919 г. - 12 декабря 1942 г., погиб в боях под Москвой/, дочь Анастасия Николаевна /1921 г. - 1991 г./, внуки, дети старшего сына Михаила: Екатерина Михайловна /1923 г. - 19 сентября 1932 г./, Андрей Михайлович /16 мая 1926 г./, Алексей Михайлович /30 марта 1928 г. - 19 декабря 1969 г./, Иван Михайлович /январь 1930 г. - февраль 1931 г./ Из этой огромной семьи в живых я остался один... и в трауре стою один на страшном кладбище Кайлинского сибуллона.

По той же архивной справке в хозяйстве деда имелось: молотилка, сеялка, три лошади, три коровы, шесть овец и восемь десятин посева. Таково "кулацкое богатство" на семью в десять человек, причем ни дед, ни его сыновья никаким "отхожим промыслом" не занимались. До этой описи дед несколько месяцев сидел в зимней холодной каталажке за то, что не выполнил "третьего продовольственного облажения".

В начале 1930 года этот безграмотный, измотанный большой семьей крестьянин угодил в губернскую тюрьму, из которой его через год каким-то чудом выпустили, хотя ночами множество таких же мужиков-кулаков вызывались "на выход" и "пускались в расход" без суда и следствия, без извещения родных, где "пропал без вести" и где похоронен. "Что они вытворяли эти переводчики, эти уничтожители народа! Рассказывать не вмоготу!" — сокрушался дед до самой своей смерти и ничего не рассказывал из страха "тюрьмы уничтожителей народа".

Глава 3. Раскулачивание потомков основателя села.

В марте 1930 года раскулачивать Нечунаевых нахлынули "представители деревенской бедности". Их было трое. Главный, Сорока, был известен в деревне как пьяница, вор и конокрад, не имеющий никакого подворья. На моих зорких детских глазах Сорока нахально вытребал из сундука детские пеленки и велел такому же "бедняку" "все точно записывать".

В июле 1952 года, подлечившись на курорте "Лебяжье" в сорока километрах от Рубцовки, я заехал на обратном пути в родное село. Благо: от станции Шипуново оно находилось в шести километрах. Когда-то богатое село вымцало: торчали там и сям сомянные избытки с кровлями из дерна. Какие-то осовелые мужики ломали церковь, в которой меня крестили в 1926 году. Тетюшка Фелицата Филипповна, с которой я приехал из Шипунова на лошади, запряженной в ходок, привела меня ночевать к среднему брату моей матери Роману Яковлевичу Бадугину, бедняку. Я спросил у него, что ему известно о Сороке. Оказалось: Сорока одним из первых бедняков тайно сбежал из колхоза еще в 1931 году, и "ни слуху ни духу по сей день". Награбленного добра пьянице хватило ненадолго. С чувством горькой тоски я покинул родное село без всякого желанья вернуться когда-нибудь сюда снова.

Архивная справка из Алтайского МВД заканчивалась словами: "Сведения о выселении семьи Нечунаева Николая Дмитриевича, о конфискации имущества и опись имущества — отсутствуют"... Где как, а в Нечунаево награбленное тут же пропало, и "точные записи" сжигались... Видимо, отсутствуют в архиве и сведения о том, как дед моего деда донской казак Нечунаев Демид основал в Алтайском крае, недалеко от Шипуново, на реке Алей село Нечунаево и, как, вместо почета и уважения, его потомки — за свой честный крестьянский труд и неукоснительное исполнение законов христианской морали — подверглись позорному изгнанию из родной фамильной деревни. А ведь, по совести, прапрадеду Демиду надо было ставить в селе Нечунаево памятник как основателю села. Да и дед мой Николай вел себя достойно: не пил, не курил, и "миром" не раз избирался старостой села.

Глава 4. Первая ссылка и побег.

В конце марта 1930 года наша семья без деда Николая и его детей, Николая, Анастаски и Ивана оказалась в Красном Ягу на правом берегу Чульма, почти напротив деревни Таньково тогдашней Ново-Кусковской волости.

Отец, как и другие "лишенцы", работал на сплаве леса. В начале августа он решился на побег из ссылки. На родине, в Нечунаево, еще жили три его сестры — жены бедняков, два брата и маленькая сестра. Там же обитали две сестры матери, беднячки Бадулины — Фелицата и Аксинья. Аксинья была замужем за бедняком Новиковым Степаном, оказавшимся "подкулачником" и через год угодившим вместе с семьей в Колпашевский сибулон. Там, в селе Новоселово, работающий мужик дошел до председателя лесной артели, состоящей из таких же "лишенцев". 20 января 1943 года Новиков Степан Федорович погиб в Сталинградской битве. Отец же убегая из ссылки в 1930 году наивно надеялся, что его жену из бедной семьи тамбовских переселенцев, да еще с четырьмя детьми, никто не тронет. Побег удался: семья в целости добралась до родного села, в котором страсти раскулачивания накалились до предела. Боясь новой расправы, отец оставил семью в Нечунаево и тайно уехал в Алма-Ату, где устроился грузчиком на речной пристани. Мать с четырьмя детьми более семи месяцев скиталась по бедным родственникам... Этой зимой умер отец брат Николай Николаевич. Еще семилетним ребенком во время вспашки, когда испуганные лошади понесли, он вывалился из седла и угодил под лемех плуга. Одна нога была сломана и, самое страшное: разорван живот и поврежден кишечник. Крестьяне не дворяне — не берегли детей своих и думать об этом не могли: всем работы хватало. Всю оставшуюся жизнь — двенадцать лет — дядя хромал, а незаживающая рана на животе постоянно гноилась... Раскулаченная сиротская жизнь ускорила его смерть. Это был первый скорбный гроб, у которого я, четырехлетний, стоял, испытывая непреодолимый страх от смерти, уложивший в длинный ящик дядю Колю. Царство тебе небесное, великий мученик крестьянской жизни...

Глава 5. Осиротевшие птенцы.

Весной 1931 года низам был дан всесокрушающий приказ сверху: "добить неликвидированные остатки кулачества". И снова к избенке, где мы приютились, за "остатками" подогнали широкие розвальни. Мать взяла с собой во вторую ссылку семилетнюю Катю и годовалого Ваню. Пятилетний Андришка и трехлетний Алешка оставались в Нечунаево "на милость Божию". Испытав ужасы первой ссылки, мать боялась, что дорогой все ее дети перемрут. Ссылалась-то она совершенно одна: отец был в бегах, дел в тюрьме, заловки и сестры ждали своей очереди — отправки в нарымскую тайгу. Ревмя ревели мы с Алешкой, гонясь за отъезжающими санями. Рыдала мать... Нас держали, но мы вырывались, как пойманные птенцы... Но недоступен птенцам такой душераздирающий плач... Еще долго слышала мать этот убийственно страшный рев младенцев, брошенных на произвол судьбы. И долго еще этот плач будет звенеть в ушах ее, заставляя рыдать горестно и безутешно... Не знала неграмотная крестьянка из бедной семьи, что идет "великий перелом" и что оказалась она в самом изломе этого перелома, равного концу света наяву. Не знала она, что вырубается огромный вековечный крестьянский лес, а неисчислимые трупы убитых и замученных в "переломе" — всего лишь щепки, обреченные на гниение... Неграмотная — не знала... Но не знают и грамотные талмудисты-марксисты, что все и всякие прославляемые ими революции, перевороты, реформы, — не стоят и выеденного яйца, если плачут и умирают безвинные дети.

Для человечества талмудисты эти пострашнее средневековых ведьм и потому достойны сжигания заживо.

Глава 6. ХОЖДЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ ПО МУКАМ

С марта 1931 года у пятилетнего Андрюшки и трехлетнего Алешки начались хождения по мукам. Жили по неделе, по две у разных родственников. У одной из сродных сестер матери умер двухлетний ребенок. Положили его мертвого в гробик и подвели к нему Алешку и Андрюшку. Испугались они, а тетка еще и страшать начала: "Будете баловаться и вам то же будет!" Как только ушли большие дяди и тети с гробиком, напуганные братья-мальши решили сбежать. Нажали на тесовую дверку в сенях, сняли тонкой ручонкой проволочку-накладушку, дверцы и отварились. Закрыли их братья той же проволочкой и выбежали на улицу, заваленную толстым слоем пыли. Жара стояла страшная, знойное июльское солнце беспощадно жгло землю, босые детские ноги горели в горячей пыли. Шли долго, сначала быстро, а потом все тише и тише. Улица казалась бесконечной. Вспотели и ослабли измученные мальши. Расхныкался Алешка, уговаривает его Андрюшка: "Не плачь, Алешка, скоро дойдем, видишь, вон там - черемуха у избушки... там живет добрая тетка Анна... там нет мертвого..." А сам расплакался бы, да нельзя, слезы сами так и лезут из глаз и в голосе хны - канье булькает.

И еще долго-долго волочат они босые ножонки по горячей топкой пыли. Очень уж тихо движется навстречу им такая заветная, такая спасительная зеленая черемуха у избушки доброй тети Анны. А солнце палит еще нещаднее. Взялись за руки горемычные сиротинки, и, вроде, силы прибыло, и перестать тупать легче стало, и веселая зеленая черемуха совсем близко оказалась. Увидела их добрая тетя Анна, встретила, завела в прохладную избу, накормила из блюдец молочной тюрей. Алешка ткнулся головенкой чуть не в блюдечко и тут же заснул. Постелила тетюшка потник на полу, уложила на него младенцев, и заснули они намертво.

Как-то оказались мальши-братья "на житье" у одного родича. Занил родич, забушевал - жена убежала. Братья валялись на полу, а пьяный дядька всю ночь пел бесконечную песенку: бутылочка буль-буль-буль... Встанет с кровати, добавит и опять бурчит: бутылочка буль-буль-буль... Какой тут сон! Встали братья рано - дверь настезь, людей не видно. По избе ходит курица и громко кудахчет. Из корзинки выпрыгивают мокрые цыплята и шлепятся около постели. В эту же ночь и кошка окотилась. Ползают между цыплят с противным мяуканьем слепые котята, как бы говорят братишкам-сироткам: вот сколько скопилось нас - малых, глупых, беспризорных и слепых. Не посмалось детям в таком обществе, испугались почему-то, убежали и спрятались в глубокой канаве...

Но не поспалось и Сорке — появился он над канавой, высокий, сгорбленный, с длинным крючковатым носом. Позыр — кал по-страшному злыми глазами и скрылся. Вылезли Алешка с Андрюшкой из канавы и задали лататы к сред — ному дедушке Якову Силантьевичу Бадулину. Необыкновенно добрый был старик, сказочник и балагур... Однажды темной августовской ночью будит он сирот и ведет их, полусон — ных и зевающих, в амбар. В амбаре светло — свеча горит. Дедушка Яков как-то загадочно усмехается, под — талкивает их, и заспанные мальцы удивились: в амбаре / — отец! В зубах — трубка, смеется как-то странно, рыжие усы шевелятся... Отец тайно приехал в Нечунаево: ро — дичи сообщили ему, что сирот-мальчишек власти хотят сдать в приют. Как-то ночью вышел отец из амбара с трубкой в зубах, заметили местные чекисты огоньки и — насть в амбар. "Вот где вражина с выводком! Вези своих волчат к матери на сылку! И не вздумай еще убежать! Загоним в тюрьму, а те и хуже!"

Пошел отец с сынами на станцию Шипуново. пожитков уже никаких не было, за спиной у отца котомка с сухарями, у маленьких оборванной — совсем ничего... Очень долго сидели на станции Алейская, деда ждали. Когда он появился, с великими трудами добра — лись до Оби. Там погрузились на какой-то кривобокий пароход по кличке "Тоболяк". Народу битком — не повер — нуться. Ночи на реке холодные, речной ветер насквозь продувает инвалидный пароходик. Устроил отец детей на ночь у трубы пароходной. Сонный трехлетний Алешка скатился ночью вплотную к горячей трубе и до волды — рей обожог ногу. Реву было на весь пароход! Испугался отец, и дедушка испугался. Кто-то пожалел ребенка и дал какого-то жиру... Но долго еще плакал несчастный ребенок... Пароходик устало шлепал плечами-колесами по воде и едва полз против чулымского течения.

Наконец, высадились в Красной Курье на Чульме и оттуда, пройдя пешком через три деревни, кое-как добра — лись до Кайлушки на Большой Юксе. Всю дорогу больного Алешку на руках нес дедушка. Был таежный вечер, путников донимали тучи комаров. Со слезами встретил детей нес — частная мать и сестричка Катя. Обрадованный Алешка жаловался, что его заели таежные "макари"!

БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Маленький братец Иванушка нас не встречал: его уже не было на свете. Весной 1931 года мать с двумя детьми была отправлена во вторую ссылку, остались на родине малыши, Андрушка с Алешкой. В бараках на Томске ^Втором комендатура держала их целый месяц в „карантине“, не зная, куда и как отправить. Бараки были забиты „липенцами“ до предела. Появилось много больных среди детей, а фельдшеров никаких не было. Проболев неделю, маленький братец Иванушка скончался. Убитая горем мать, вся „в надгробных рыданиях“, зашила умершего младенца в холщевый мешочек. Коменданты, наложив паленницей очередной конный воз таких же мешочков с мертвыми детьми, увезли их, как возят дрова, и закопали где-то в логу на Каштаке, где потом будут находить человеческие кости. Матери на похороны детей своих, как ни плакали, допущены не были. Стоны и рыдания в этом бараке не умолкали сутками... Ни в каком камерном сне не увидеть крестьянам такого горя, какое видели они здесь, не подозревая, что впереди их ждут муки, еще более страшные и жестокие. Это один лишь эпизод из миллиардов подобных эпизодов „ликвидации злейших врагов советской власти“.

СЛАВОСЛОВИЕ ЭПОХЕ

Да здравствует диктатура пролетариата — величайшая карательная мясорубка, неутомимо перемалывающая кости миллионов рабочих и крестьян, объявленных „врагами народа“! Славься, мясорубка диктатуры, раскрученная разбойничьей бандой уголовников — паянов, завоевавших для себя беспредельную власть! Да здравствует советская власть — непробиваемое прикрытие банды палачей-грабителей, их вождей-тиранов, объявивших, что у пролетариев нет родины, есть только „злейшие классовые враги“! Да здравствует диктатура пролетариата и советская власть, приведшим к гибели величайшую державу мира! Да здравствуют слепые большевистские пророки-болтуны, превратившие „российского колосса“ в „развалины коммунизма“! Да здравствует ложь карателей, доказывающих „историческую необходимость“ массового уничтожения своего народа! Слава гениальным потрошителям! Да здравствует счастливое детство уничтоженных детей!

В СИБУЛОНСКОМ БАРАКЕ

Поселок ссыльных, в котором мы оказались имел три названия: Кайлушка и Большая Окса по имени речек и Перво-Пашенка по имени неизвестного крестьянина, раскорчевавшего пашню на возвышенной гривке у Оксы, километрах в четырех от устья Кайлы. Там, где Кайла впадает в Оксу, был высокий таежный яр. На этом яру чернели три длинных барака с дверями только с одной стороны. В каждом бараке нары в два этажа. Эти этажи были набиты „лишенцами“ до отказа. По древним клошным следам было нетрудно догадаться, что здесь жили катаряне, окрещенные неслыканно страшным словом „сибулонцы“. В одном из этих бараков в страшной духоте и тесноте оказалась наша семья. В бараках лишенцев свирепствовали три страшных беды: голод, болезни и вши. Можно добавить и четвертую беду - крысы. Полчища этих всеядных грызунов пожирали не только скудные запасы продуктов, но и нищую одежду. Кошек и собак раскулаченные с собой не привезли. Пользуясь безнаказанностью, крысы начали кусать людей. Больше всех от болезненных крысиных укусов страдали больные и дети. О медицинской помощи и речи быть не могло. Заболел я в этом бараке от голода и простуды золотухой. Вздулась на правом виске огромная золотухная шишка. Боли страшные: ревел и не спал ночами и другим спать не давал. Собрала мать бабок на знахарский консилиум. И решили бабки: прожечь шишку и выдавить гной! Три младых девки держали меня, пока самая смелая старуха раскаленной до красна проволокой прожигала золотухную шишку на виске. И уже четверо держали меня, когда начали выдавливать из шишки гной. Место операции оказалось невероятно болезненным: висок с множеством кровеносных сосудов. От дикой боли я страшно орал и еще страшнее ругался. Наутро золотухная шишка сильно раздулась и операция повторилась. Орал я и ругал моих палачей еще страшнее. С тех дней я начал катастрофически глохнуть! О тех варварски жутких операциях на виске, о тех страшных болях я и через шестьдесят шесть лет вспоминаю с содроганием, а ведь мне тогда было всего пять лет!

РАССЕЛЕНИЕ ПО ИЗБАМ

К ноябрю 1931 года расселили нас по стандартным избам. Каждая размером пять метров на семь. В избах было по три окна с одинарными рамами, но не было печей. Необрубленный кукушкин лен махрами свисал из пазов и сразу же был заселен таежными тараканами. Избы эти по приказу комендатуры строились прямо в тайге, на просеке, продубленной по прямой линии, не взвизывая на болота. Наша изба оказалась в болоте, под полом хлопала вода, и болотная сырость лезла по стенам. К зимним морозам кое-как сбили русскую печь. В тесную избушку селили от двух до четырех семей, родственники и однодеревенцы селились вместе. К нам поселили семью из четырех человек, со злой хозяйкой и злыми детьми, вредными и драчливыми.

Глава 11

СМЕРТЬ СЕСТРЫ

19 сентября 1932 года умерла моя единственная сестра девятилетняя Катя. От голода она наелась шиповника вместе с семенами. Теперь-то известно, что семена шиповника со своими колочками смертельно опасны, если попадут в слабый детский "кишечник". А тогда... Всю ночь без всякой помощи мучилась она и от страшных болей в животе к утру скончалась. ⁶Страхом смотрели мы с Алешкой на голый трупик девочки со вздутым животиком и онемели от страшной беды... Истрадалась, исплакалась мать от нового страшного удара беспощадной ссылки. Когда мать надолго уходила или побираться, или работать на хутора, Катя была воистину второй матерью для малышей: накормит, чем Бог послал, постирает и починит рваную одежонку, ранку перевяжет какой-нибудь тряпичей и спать уложит и, как терпела, никогда нас, баловников, пальцем не тронула, всегда надела. Я, шестилетний от горя и ужаса не находил себе места: то карабкался по столбику на печку, то лез куда попало... но плакать я не смог...

Отца не было на похоронах единственной дочери: он был плотогоном и делал с плотами очередную рейс по Оксе и Чулыму до лесозавода в Могочине. Когда приехал отец, на кладбище пошли всей семьей. У могильного холмика отец встал на колени, помолился и заплакал. На второй день я слышал, как отец тихо пел: как умру я, умру, похоронят меня, и никто не узнает, где могила моя... И так же тихо горючими слезами плакал. Было ему 33 года, а похож он был на шестидесятилетнего маленького дряхлого старичка, с реденькой рыжей бородкой и лысеющей головой, заплатная одежонка

болталась на нем, как на пугале. Как эти живые мощи, голодные и раздетые, работали на сплаве — было загадкой... Я же по-детски тяжело страдал. Мучительными казнями изматывала меня безжалостная ссылка. И делу моему и отку была ясна вечная истина людского бытия: голодному, обреченному на смерть народу — не нужны ни цари, ни вожди, не нужны ему революции и реформы, не нужны ему социализмы и капитализмы. Дайте ему жить в тяжелой повседневной крестьянской работе, и в поте лица своего добывать хлеб свой, и хлебом тем кормить городских людейшек. Не дали! и этого лишили. Теперь умирает от страшного голода вместе с детьми лише — нец, высланный со степных полей в тундру... Собрав своих партийных холуев, гениальные вожди-тираны рапортуют: ликвидация кулачества как класса идет успешно, хребет злейшего врага советской власти переломлен, страшный зверь — хлебопашец-музык сдыхает в корчах, — планы партии перевыполняются!

Julia 12

„СТРАННЫЕ ИНОРОДЦЫ“.

Летом 1933 года появились в Кайлушке хакасы, народ до того невиданный — чудо необыкновенное. Детвора с дальней Береговой улицы помчалась смотреть на них. Несмотря на лето, хакасы были в шубах. Коричневые до густоты, с множеством черных длинных косичек, свисающих почти до пояса, они стояли большой толпой вдоль наплавного моста через Оксу. Нас удивили их украшения на голове, шее и одежде. Увидев толпу маленьких оборвышей, хакасы загиргикали готанными голосами резво зашевелились, замахали руками. Видимо, они не хотели быть предметом столь безцеремонного детского любопытства. Один хакас, соскочив с моста на берег, пошел к нам с протянутыми руками. Стоял я ближе всех к берегу и мне показалось, что хакасы с мостика показывали руками на меня. Я был страшнее всех ребятшек из-за заячьей губы, поэтому решил, что хакасы хотят поймать меня и, как невиданного уroda, утопить в Оксе. Страшных рассказов о людоедах инородцах я уже наслушался. На какое-то мгновение я окаменел от страха. И вдруг, дико вскрикнув, рванул так, что полтара километра от Оксы до избенки пробежал без отдыха, изредка оглядываясь: не гонятся ли за мной инородцы с черными косичками на головах. В избе мгновенно взлетел на полати и забился в угол

111

Всю ночь мне снились страшные инородцы, всю ночь я убежал от них... Вскоре хакасов перевели во ВТОРОЙ ~~Ташенск~~ ^{Ташенск}, за пять километров от Кайлушки, в верх по Оксе. К 1940 году почти все хакасы были освобождены и уехали на родину.

В 1941 году ~~с~~ хакасом Аёвым я плавал на Прииски за белой глиной, очень уж тяжело было подниматься в верх по стрежневой речке, какою в июле бывает Большая Окса. Осенью того же года недели две я возил сено с Аёвым. У нас было две телеги и две пары лошадей, а сено мы возили с Курьинских лугов на плотбище Старики. Я благодарен хакасу Аёву: он научил меня запрягать пару лошадей в телегу. Мирные, хорошие люди - эти хакасы.

Глава 13

КНИ У ЛИШЕНЦЕВ НА ССЫЛКЕ

В Кайлушке в первые же дни ссылки резко выделилась дожина „недокулаченных кулаков“. Им незачем было убежать из ссылки на родину, кроме скота, они привезли с собой все свое добро и даже новые хомуты со шлеями, седла и дуги.

Водились у них и хорошие по тем временам деньги. Не везде грабили крестьян подчистую, как в Нечунаево. В соседних с Кайлушкой деревнях не было еще колхозов и люди жили по-старому, единолично. У них-то богатые лишенцы и накупили лошадей и, по моде времени, ^{обзачинились} в обозную артель. Из Томска возили грузы по леспромхозам вплоть до Батурино. Они не знали голода ни в тридцатые годы, ни в войну: имели корв, свиней, овец. Когда бедняки умирали от голоду, они по праздникам гуляли „артельно“, столы их ломились от вина и закусок. Истинные кулаки стали ими и на ссылке. Часто в работниках у них оказывалась раскулаченная нищета. За это, бывало, и мешок, с собранными рали Христа кусками, попутно подвезут. Приходилось заготавливать сено для их коров и моему делу.

Умолчать об этой дожине „кулаков - лишенцев“, вероятно пробойной и наглой, на фоне четырехсот - пятисот нищих, вымиравших семей, было бы большим грехом против правды - истины.

/ 1 мая 1997 года. /

Глава 14. КАЙЛИНСКИЙ СИБУЛОН.

Осенью 1940 года поступил я в пятый класс Крутогорской семилетней школы. Жить пришлось вместе с тремя такими же пятиклассниками из соседних деревень на квартире у колхозника-ни-моката Ивана Лаврентьевича Веселова. Как-то зимой заговорили о Кайлинском сибулоне. Веселов рассказывал: "Я не из робкого десятка, но два раза зимой в лютые морозы меня перепугали сибулонцы. Первый раз в 1927 году. Катали валенки ногами, а дом стоит у самой дороги. На огонек, бывало кто-нибудь да забежит. Однажды ночью открывается дверь, и вваливается в избу борода-тое чудовище в нижнем белье, без палки и босиком. Ноги белые, как снег. Прошел он от порога к столу, застучали его белые ноги, как палки об доски. Страшно мне стало. "Откуда?" - спрашиваю. "Из сибулона сбегал", - едва слышно говорит, а сам весь трясётся, перемерз. "Как же ты туда попал? Никто в Крутогорке не видел, как вас туда гнали." - "На барже, говорит. Из Новосибирска по Оби... Потом по Чулыму. Из Чулыма на Юксу... Там выгрузили.. А в тайге - кому бараки, кому - яма"... Перепуганная хозяйка супу налила, хлеба принесла. Ел он жадно, худущий - живые мощи. Глядит по-страшному. Мурашки у меня по спине забегали: не натворил бы чего, все-таки каторжник. Не успел он отогреться, как два конных конвоира на мой огонек пожаловали. Связали ему за спиной руки, на шею веревку накинули и повели на поводке. Видно, их он ждал, когда глядел по-страшному. Второй раз такое же случилось в 1928 году. Все было так же, как и в 1927 году. Так же напугался я: к такому ужасу нельзя привыкнуть... Осенью 1929 года в начале ноября выпал первый снег. Как-то после обеда проехал мимо Крутогорки в тайгу конный вооруженный отряд гол-дам в двадцать пять - тридцать, с сумками, притороченными к седлам. Дней через пять-шесть этот же вооруженный конный отряд проехал обратно. Ни туда, ни оттуда по дороге мимо деревни никаких сибулонцев не гнали. Крутогорские и кузнецовские охотники, проживая от Кайлы в двух-трех километрах, кинулись в тайгу разведать - в чем дело? Все рвались поохотиться на белку, собо-ля, лису, колонка, а вход в Оксинскую тайгу был запрещен: тайга была занята секретным таинственным Кайлинским сибулоном. Шли охотники осторожно с разных мест и направлений, но было везде тихо и пусто. Стало ясно: конный отряд энкаведе уничтожил поголовно заморенных сибулонцев и их охрану, обвиненную в превышении власти. Следы свои каратели замели надежно в нах-лынувший сибирский снегопад." Как только секретный Кайлинский сибулон прекратил свое существование, в тайгу погнали и пове-ли на лошадях тысячи семей лишенцев-кулаков. Везли их весь 1930 год. Везли их весь 1931 год, а затем после небольших пе-рерывов везли их кучно в 1939, в сороковом, в 1946, везли до 1954 года. Везли с одной целью: ликвидировать кулачество как класс, неважно, где этот ненавистный вождю класс вылавли-вали - в Молдавии или в Прибалтике, Везли в Копыловку, в Кайлу - шку, в Тунгусский Бор, в Батурино. Но больше всего везли по Оби в необъятный болотный Нарым. И густо покрывся могилами великий Западно-Сибирский край, ставший самым большим ин-тернациональным кладбищем всех народов Советского Союза, за-мученных во имя абсолютной власти гениального Дракулы 20 века.

Глава 15. ТУНГУССКИЙ БОР. 1944 ГОД.

В 1944 - 45 учебном году я работал заведующим Тунгус - борской начальной школы. Этот леспромхозный поселок, когда-то густо набитый ссыльными "лишенцами", делился на две части: Старые Бараки и Новые Бараки. Расстояние между ними - не более километра. Школа находилась в Новых Бараках, где в бывшей учительской я ночевал. Работать приходилось в две смены: с утра - первый и третий классы, с обеда - второй и четвертый. Всего сорок два ученика, то есть на один хороший класс. О втором учителе и думать было нельзя, тем более, что лесопункт умирал на глазах и к концу учебного года закрылся. В 1942 - 1944 годах для защиты Отечества мобилизовали всех мужиков-кулаков, которых в 1941 году боялись брать в Красную Армию как "злейших врагов Советской власти". В войну же эти "враги" почти полностью погибли, защищая Москву и Сталинград в составе боевых сибирских дивизий. Парадоксальна судьба этих людей: "враги Советской власти" защищали в боях эту же самую власть от еще более свирепых врагов - фашистов! Какая Отчизна, какая Родина могла быть у крестьян, выгнанных из своих избенок и сосланных за сотни километров от родных мест в болотную дремучую тайгу?! Это были люди, обреченные на смерть. Парадокс превращался в страшную трагедию Российской истории. Не обращая внимания на это, я убежденно вел патриотическое воспитание: я верил, как и твердо верю и сейчас, что от всяких страшных трагедий Россию спасут только истинные патриоты. И больше никто! Но их так мало, что временами делается жутко!... Погоняв три года по районным и областным военкоматам, меня в солдаты не взяли. Забраковали и выдали в конце войны "белый билет". Этому больше всех радовалась мать: похоронки в поселки "лишенцев" шли пачками. В декабре 1942 года погиб под Москвой мой дядя Иван Николаевич Нечунаев, призванный в армию из Батурино. Мои родители жили в Кайлушке, а поссовет мой находился в Батурино. И в ту и в другую сторону от моей школы было километров по тридцать. Вот и носился я целый год между этими поселками. Особенно тяжело было ходить в Батурино по деревянному настилу из плах, дававшему возможность автомашинам проходить через многокилометровые болота. Если "сбегаешь" туда и обратно в один день, ноги отбивались и деревенели. Бежать же приходилось частенько. От моей школы до Асино не менее ста пятидесяти километров, но тетради и учебники для учеников доставлял я из райцентра по-верблюдски, на своем горбу. Как-то по осени, отмотав от Кайлушки километров пятнадцать, я свернул в бор, усыпанный брусникой, и незаметно удалился от дороги-тропинки: заманула ягода. Остановился удивленный: передо мной раскрытыми страшными зевами чернели четыре огромные прямоугольные ямы. Вырыты они были на невысокой сосновой гривке, метрах в десяти друг от друга. Шириною ямы были метров по десять-пятнадцать, длиною по тридцать-сорок, глубиною - не менее трех. Внутри ям виднелись деревянные стены из толстых бревен. Только на половине одной ямы сохранилась двухскатная бревенчатая крыша, засыпанная землей. Потолка под этой крышей я не увидел: или он обвалился, или не был предусмотрен в проекте лагерного зодчего. Это были таежные мрачные подземелья, в которых гнили обреченные на мучительную смерть озверевшие "враги народа", окрещенные кровавым словом "сибулонцы".

Жутковато ходить в одиночку по таким катаржным местам. Вскоре я встретил Кайлинского лесника Макара Андреевича Тазарачева. По томок коренных чулымских племен, истинное дитя природы, он не побоялся жить в угрюмой дремучей тайге вдали от деревень. Убогая избушка, в которой он жил, стояла совсем недалеко от ям-тюрем. Его дети, мальчик и девочка дошкольного возраста, бегали по тайге вокруг избушки и не боялись свалиться в эти ямы или заблудиться. Фактически Макар жил в одном из многочисленных "центров" Кайлинского сибуллона. "Много ли в округе таких ям-тюрем?" спросил я, встретившись с ним около избушки. Он как-то пугливо посмотрел на меня и, не сказав ни слова, быстро закавылял, ~~идя~~ хромя и озираясь, по таежной тропинке в мрачную глубину дубрей. Через сорок лет, когда он уже пожилым пенсионером, оказался в Новониколаевке, я снова завел с ним разговор о сибулоне и ямах-тюрямах. И он снова угрюмо отмалчивался, пришибленный застарелым страхом. В девяностых годах, когда Макар Андреевич, прожив восемьдесят пять лет, скончался, его внук Виктор вспоминал: "Дед говорил, что и метр земли под таежный огород не мог раскопать, чтобы не наткнуться на человеческие кости. Где ни копнешь, везде - кости!" В тридцатых, сороковых годах в тех местах так оно и было. Стах же у очевидцев был сильнее смерти. За "клевету" на Советскую власть легко было загреть "по линии энкавде" и стать "заклятым врагом народа". Даже в августе 1997 года в Кайлушке два уважаемых мною человека, накувши в девятый десяток жизни, ходившие по этим костям в тридцатые годы, отказались давать "интервью" работникам Томского телевидения, приехавшим снимать документальный фильм о Кайлинском сибулоне. Зато женщины, родившиеся после 1935 года, оказались всезнайками. Брать "интервью" у меня телевизионщики не стали, хотя перед этим, в мае, я выступал с информацией о Кайлинском сибулоне на краеведческих чтениях в городе Асино, доказывая, что такой сибуллон жил и действовал, оставляя трагические следы кровавого режима. В самом Тунгусборском лесопункте лесник из "лишенцев" Трифон Ларионов тоже испугался моего вопроса, побледнел и промолчал. Зато через неделю сводил меня в сосновый бор, километра за два от школы, и показал сотни высоких штабелей из толстых бревен, которые не успели вывезти в Батурино - помешала война. Бревна в штабелях начали гнить, но, хотя школа сидела без дров, начальство умирающего бездействующего лесопункта на разрешало пилить на дрова хорошо высохшие в штабелях бревна: легко могли прийти расстрел за гнилую "социалистическую собственность". Крепко сидели в памяти 1930 - 1937 годы. Страхом наполнял душу 1940 год, в который на маленьком лесопункте несколько десятков голодных рабочих за пятиминутное опоздание на работу были арестованы и переправлены из катаржной ссылки в лагерь смертников. Страшно: еще шла война, еще шел Военный 1944 год. И еще страшнее оттого, что все еще жил и гениально вертел мясорубку репрессий величайший тюремщик земного шара, беспощадный тиран и самодержец Иосиф Грозный, сумевший жестокостью палача тридцать лет держать в голодном страхе великую державу, когда в объятиях ясно зримой смерти дрожали все и молчали все...

Глава 16. РАССКАЗ ОХОТНИКА.

Одним из рассказчиков о Кайлинском сибулоне был Крутогорский колхозник и охотник Никанор Фадеевич Аненко. В покосную пору 1957 года оказались мы с ним вместе на Барнаульских лугах, километрах в двадцати от Кайлушки. Начались дожди и покосники разошлись по домам. Остались мы вдвоем в палаше жать, когда подсохнет скошенная трава. От пашальной скуки, переговорим обо всем, заговорили и о сибулоне. "Осенью 1927 года белковал я в Кайлинских кедрачах. — начал свой рассказ охотник Аненко, — Вышел к таежной речушке Кайле, километрах в пятнадцати от ее устья. Вижу: окружают меня какие-то милиционеры. Остановился — жлу. Подошли они ко мне. Винтовочки на ремнях через плечо, сбоку наганы в кобурах. Я свою берданку с плеча снимать не стал, отберут дулю, вот и отохотился. Один из них, видимо, старший говорит мне: Больше здесь не появляйся, прихлопнуть можем. Право у нас такое есть. Зона закрытая. Караулим, чтобы контра не улизнула. Под пулю и ты попадешь". И этак нехорошо засмеялся. Перепугался я — куда меня занесло! Простите, говорю, не знал про это!" — "Валяй отсюда! И нигде — ни звука!" Даже сейчас мне про это говорить боязно. У караула длинные уши — слышат всех, и длинные руки — достают всех! Это Никита нынешний много наговорил о сталинских репрессиях, и нам теперь об этом вроде бы можно говорить... В ноябре 1929 года, как только прослышали мы, что конный отряд карателей назад прошел, решили проникнуть, в чем дело? Ведь в тех местах была самая добычливая охота. В Крутогорке и Кузнецовке настоящих-то охотников около десятка набиралось. Вот и договорились — разведку очень осторожную сделать. И удивились: куда же сунемся — никаких следов, ни охраны, ни арестантов. Кругом на десятки километров нетоптанный снег. После этого месяца за три я все сибулонские бараки и ямы облазил. В бараках охотники ночевали, считай жили. В осеннее время попадались на пути человеческие черепки и кости. И даже целые скелеты. Видели и висящие скелеты на нижних толстых сучках деревьев. Казнь что ли у них такая была?! Много, видать, народу истребили. Не считаешь: вся тайга — сплошная могила... И ни единого креста!"..

Глава 17. НА УСТЬ-ОКСЕ ВЕСНОЙ 1929 ГОДА.

В конце пятидесятых годов из Новониколаевской МТС в Больше-Ексинский лесопункт приехал работать радиотом Павел Сергеевич Алексеев. Он рассказывал: "Весной 1929 года, мне тогда было лет 14, мы с отцом спустились на лодке по Чульму в край непуганых птиц. Отец решил пройти пешком к Орьевским озерам, чтобы разведать, где скопились утки. Когда мы подошли к Усть-Оксе, то увидели на той стороне реки очень много народу. Толпу окружили пешие и конные охранники. Высокий берег был завален всяким скарбом. Видимо людей только выгрузили. Вдали виднелась баржа, уходящая на буксире к Чульму. Один старик присел на корточки и, черпая ладонью воду, начал пить. Конвоиру это не понравилось. Он выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в голову старика. Скрюченная фигурка нырнула головой в воду... не вынырнула. Толпа замерла каменными столбиками... Нам стало страшно, мы видели конец света. Нам было не до уток... Мы побежали к лодке..."

Сибулоны, наподобие Кайлинского, появились в Советской России еще до фашистских лагерей смерти. По жестокости — они близнецы-братья. Продолжим повествование об этой "исторической необходимости" в следующей статье "Год Великого Перелома".

/27 - 30 апреля 1997 года/

ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА

1. ОТКУДА РОДОМ ГОЛГОФА НА КАШТАКЕ

В апреле 1929 года на 16 Всесоюзной партийной конференции был утвержден первый пятилетний план. доклад делал Алексей Иванович Рыков, удивлявший когда-то Ленина своими организаторскими способностями. Доказывая, что без высокого-продуктивного сельского хозяйства полнокровной индустриализации страны быть не может. Рыков убеждал в необходимости в течение первых двух лет пятилетки сделать усиленные капиталовложения в сельское хозяйство, что впоследствии должно было окупиться сторицей. В резолюции подчеркивалось принципиальное значение строительства колхозов на добровольной основе, а также отмечалось, что основной прирост сельскохозяйственной продукции может обеспечить в обозримом будущем только индивидуальное крестьянское хозяйство. Вывод был прямым и честным: "Мелкое хозяйство еще далеко не исчерпало и не скоро исчерпает имеющиеся у него возможности"... Сталин на этой конференции не выступал: он уже всё решил до этого, в начале 1928 года.

Известно, что осенью 1927 года на рынке и в магазинах начались перебои с хлебом: крестьянам стало невыгодно продавать хлеб по низким государственным ценам. И вот в январе 1928 года Политбюро ЦК ВКП/б/ сочло возможным применить административный нажим в отношении крупных кулаков, которые придерживали "излишки" хлеба после сдачи обязательного хлебного налога. Для изучения ситуации "на месте" выехали крупные руководители партии и правительства. Сталин прибыл в Алтайский край, из Барнаула добрался до степного Рубцовска, расположенного на реке Алей, в 181 километре от западного Барнаула по железной дороге. Это была первая и последняя сталинская поездка в сельские районы страны. Но для Алтайского края, да и для всей России эта поездка генсека катастрофической, гибельной. Сталин реализовал на практике свое понимание аграрной политики. Теперь крестьяне обязаны были сдавать "излишки" зерна, оставшиеся после натуральной уплаты налога, по мизерным госценам. В случае отказа крестьянин объявлялся кулаком, привлекался к суду по обвинению в спекуляции, а найденный хлеб конфисковался милицией. Барнаульские юристы пытались разъяснить Сталину, что так действовать незаконно, потому что отказ продавать государству "излишки" за безценок, после уплаты натурального налога, не является спекуляцией. Для юристов это "разъяснение вождю" закончилось плачевно. Сталин потребовал, чтобы "эти господа были вычищены и заменены другими". Прокатилась волна смещения наиболее умных и смелых людей в партийных, судебных, советских и хозяйственных органах. Начались аресты, обыски "кулаков" и их защитников. Особенно досталось многодетным крестьянам. В моем домашнем архиве чудом сохранилась справка, выданная моему деду Нечунаеву Николаю Дмитриевичу зимой 1929 года. В справке сказано, что он отбывается из Шипуновской

Значит, в 1929 году милосердие еще было! Деду шел пятые - сят шестой год, а семья его насчитывала одиннадцать человек. И какие могли быть "излишки" с восьми десятин пашни, которые указаны в другой справке по описи 1929 года? Однако дед, "утеплившись", просидел еще месяц в катажке, набитой таки - ми же "не ведающими" продавать "излишки" за бесценок". Многие, как и мой несчастный неграмотный дед, едва сводили концы с концами. А ведь таких мучеников "ни за что" появились десятки миллионов. Втихую эти несчастные дугали "кремлевского грузин" приехавшего уничтожать крестьян в Алтайском крае.

В 1928 году была введена карточная система на хлеб, на - званная в народе "дайкой". В ряде мест сопротивление крестьян вылилось в бунты. Если верить историческим запискам разных авторов, то в 1929 году в России таких бунтов, больших и ма - лых, было около тысячи трехсот. Эти "контрреволюционные" вос - стания дали возможность Сталину превратить чрезвычайные меры против крестьянства в повседневную практику. Ни Бухарину, ни Рыкову, ни Томскому - авторитетнейшим государственным деяте - лям, ураган "чрезвычайщины" остановить не удалось, и асами они, когда Сталин полностью узурпировал власть. В это же вре - мя для обоснования необходимости массовых репрессий стал использоваться тезис об обострении классовой борьбы в период успешного продвижения к социализму. У в 1930 году аресты ого - лдили все наркоматы. Особенно Наркомзем и Наркомфин.

Но для десятков миллионов крестьян 1930 год стал воис - тину Годом Великого Перелома. 70 лет назад ЦК ВКП/б/ утвер - дил " постановление "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации". До лета 1929 года колхозы оставались открытыми для всех крестьян, в том числе и для кулаков. Слова "сплошная коллективизация" впервые прозвучали весной 1929 года. Но уже осенью этого Сталин высказался за сплошную коллективизацию целых респуб - лик в течение одного года. Насаждение колхозов и гонка спло - шной коллективизации вели к насилию. Происходило принудительное обобществление домов, скота и даже домашней птицы. Не было сверху спущено главной директивы: что же должно остова - ться у крестьянина на дворе? У него куча детей, а он единстве - нную корову должен свести на общий двор, а такого двора в деревне нет! Или какой приусадебный участок закрепляется за крестьянином? И еще десятки важнейших вопросов повседневной жизни крестьянской артели! Всё это вызвало недовольство кре - стьян и непредсказуемые действия: за февраль - март 1930 го - да было вырезано почти все поголовье скота в России - не хоте - ли славать скотину в колхозы! Вспомним деда Шукаря и его муки, когда он объелся мясом зарезанной телушки. А ведь по трактов - ке Михаила Шолохова дед Шукарь являлся бедняком...

По стране прокатились вооруженные восстания крестьян. За три первых месяца 1930 года их было более двух тысяч. Ку - лакон или подкулачником объявлялся тот, кто не хотел всту - пать в колхоз. Наказание обычно полагалось одинаковое:

раскулачивание, то есть конфискация имущества, тюрьма главе семьи или ссылка всем в северные районы страны.

"Кулак есть враг Советской власти. С ним у нас нет и не может быть мира. Политика ликвидации кулачества как класса должна проводиться со всей настойчивостью и последовательностью на которую только способны большевики", - учил Иосиф Грозный большевиков, имея в виду боевой отряд борьбы с кулаками - карательные органы. По всей великой России потянулись поезда, пароходы, обозы с крестьянами, названными кулаками, лишенцами и спецпереселенцами. Великий поэт Александр Твардовский, родители которого были раскулачены и сосланы из хутора Загорье Починковского района Смоленской области на Северный Урал, в поэме "Страна Муравия" живописал эту картину насилия:

Их не били, не вязали,
Не пытали пытками,
Их везли, везли возами
С детьми и пожитками,
А кто сам не шел из хаты,
А кто кипелся в обмороки,-
Миллицейские ребята
Выводили под руки...

В то время в Смоленске за чтение этой поэмы давали восемь лет, как за распространение кулацкой поэмы. Поэт спасся от ареста тем, что во время убрался в Москву. Там подправил поэму, одобрительно упомянув Сталина. Поэма понравилась секретарю ЦК по идеологической работе Щербакову, который направил ее Сталину. Вождь "одобрил" и в 1939 году Александр Твардовский вместо расстрела "за кулацкую поэму" получил высшую награду того времени - Орден Ленина. Однако приведенные выше стихи не печатались до шестидесятых годов.

А крестьян везли возами еще много лет. Никто не знает, сколько возов крестьян было вывезено. А сколько их погибло. Одни называют десять миллионов, другие / тридцать. Даже тысячи книг под названием "Боль людская" с фамилиями погибших в тридцатые и сороковые годы не смогли бы рассказать о тех ужасах, которые выпали на долю несчастного русского мужика. Каково было из Костромской области добраться с семьей в Михайловку Асиновского района! А добравшись, надо было построить избушку, раскорчевать делянку под пашню, сделать наворные постройки, наместерить телег, саней да еще и обязательные налоги платить. И вдруг за этот крестьянский подвиг - обжить, облагодетельствовать таинную глушь - наказание, беспощадное стирание с лица земли. Помянем трех крестьян из Костромской области, арестованных в деревне Михайловка в 1930 году и тогда же расстрелянных неизвестно где: Бугров Иван Евдокимович, 1880 года рождения, Горев Демьян Христофорович 1880 года рождения, Семенов Иван Федорович 1890 года рождения... Поминальный скорбный список можно продолжать. И это по одной маленькой деревне! Прикиньте по всему Советскому Союзу! Какова ликвидация кулачества! А каковы последствия этой разрушительной бури!

Однако и в буре не все гибнут. Иногда оставались в живых люди, выброшенные на то самое страшное место, по которому хрустел человеческими костями, залитыми кровью, Великий Сталинский Перелом. Называют это страшное место и Мясорубкой, и Голгофой. Из такой Голгофы вернулся наш кайлушинский сосед Нижник Петр Иванович. Родился он в Харьковской губернии в 1893 году. В конце 19-го века его семья приехала на вольные земли в Алтайский край. Мужики в семье росли крупные, все работящие. Числились в середняках и на колхоз плевали. За это как подкулачники и угодили в ссылку. Петр Иванович, превозмогая душевную боль, рассказывал соседям - лишенцам о своих хождениях по мукам: "По дороге в ссылку, в марте 1930 года, милиционеры арестовали меня в деревне Сергеево Пышкино - Троицкого района, не дав досесть до Асиновского леспромхоза / он же и Минаевский по некоторым справкам. Набралось нас много. Притянули в Томск. А там на Каштаке торьма с крепкой каменной оградой. Загнали в барак, а там не продохнуть: люди и на полу, и на трехэтажных нарах. Комендант, сопровождавший группу арестованных, выспрашивал, кто что умеет делать. Я назвался сапожником. В бараке отвели мне место у окна, конвоир принес весь сапожный инструмент: от колодок до шила и мешок с хорошей кожей. Затем дали задание, каких размеров шить сапоги. Было лето 1930 года. Работа привычная с детства. Но к ужасу расстрелов привыкнуть невозможно. "На выход!" - кричали конвоиры, выкрикивая по двадцать - тридцать фамилий. Затем, в замершем от страха бараке, все считали выстрелы: иногда их было больше, чем вызванных людей, иногда - меньше. Считали выстрелы и ждали вызора на расстрел. Многие мужики - смертники походили на скелеты, обросшие волосами и обведенные лухмотьями. Позади были страшные допросы с пытками и избиваниями. Впереди - смерть. Об этом говорили шепотом. Все знали, что обречены, но некоторые надеялись на чудесное освобождение. Но освобождения не было, барак пустел. И опять наполнялся новыми смертниками, молодыми и старыми. Мужиками богатырского сложения и хилыми заморышами. Моё рабочее место вскоре было отгорожено досчатой переборкой со щелями, чтобы кто -нибудь не украл нож или шило для самоубийства. Но некоторые и без этого находили способ повеситься. Матерья конвоиры выносили их из барака, видно было, что хоронили где-то недалеко. Кончалось лето, ая все шил и шил сапоги. Вспоминал детство в деревне Комиссарово Харьковской губернии... И куда же я попал с тех мест? И в такой ужас приходил, что хотелось повеситься на дратве. Но, видно, работа моя понравилась комендантам, даже кормить стали лучше, хлебную папку добавили. В конце сентября конвоир сложил весь сапожный инвентарь в мешки и повел меня в комендатуру. "Вот и конец!" - решил я. Но в комендатуре мне объяснили, что враг я оказался небольшой, и мне полагается только ссылка. /В книге "Боль людская" - пять лет концлагерей! / Дали справку, которую я обязан был предъявить в Сергеевскую комендатуру. Я не умер от радости только потому, что не поверил в освобождение, был как во сне.